

§4 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Васильченко О.К.

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СТРАХОМ

Аннотация. Данная статья посвящена современным идеологиям управления страхом. Автор рассматривает мотив страха в международной и внутренней политике государства на примере национальной безопасности, настаивая на её чрезмерности и преднамеренном раздувании страхов в обществе с целью легитимации важных политических решений. По мнению автора, власти необходимо легитимировать свои политические решения посредством волеизъявлений граждан. Однако, эти волеизъявления не должны противоречить официальной политике, что, в свою очередь, порождает необходимость формирования общественного мнения. Также автор касается темы человеческой безопасности, которая, по его мнению, призвана в будущем побороть негативные последствия политики национальной безопасности. Методологическая база исследования представлена общенаучными методами, а также конкретными междисциплинарными методиками философских и политических наук. В заключении автор делает вывод о том, что современные идеологии управления страхом остаются очень эффективным инструментом политики государства. Новизна данного исследования заключается в попытке автора представить комплексный взгляд на проблему, анализируя эмоцию страха в политике с разных позиций. Данная статья может быть полезна специалистам в области социальной философии и политологии.

Ключевые слова: Страх, управление, национальная безопасность, человеческая безопасность, государство, общество, личность, политика, манипуляции, риторика.

Abstract. This article is dedicated to the modern ideologies of fear management. The author examines the motive of fear within the foreign and domestic policy of a state on the example of national security, making an accent on it, and intentional exaggeration of fears in society for the purpose of legitimation of the important political decisions.

In the author's opinion, the authorities must legitimate their political decisions through the public support. This public support however, should not contradict the official policy, which in turn, generates the need for formation of public opinion. The author also reviews the topic of human security is called upon to overcome the negative consequences of the national security policy. A conclusion is made that the modern ideologies of fear management still remain a quite effective instrument of state policy. The scientific novelty consists in the author's attempt to present a comprehensive outlook upon this problem by analyzing the emotion of fear in politics from various perspectives. This article can be used by the experts in the area of social philosophy and political science.

Key words: person, society, state, human security, homeland security, control, fear, policy, manipulation, rhetoric.

Введение

Необходимость легитимации значимых политических решений волеизъявлением граждан стало в современном демократическом обществе стимулом для развития политических технологий целенаправленного влияния на массовое сознание людей. Естественно, что основным объектом такого влияния стала эмоциональная сфера сознания, поскольку интеллектуальная сфера в гораздо меньшей степени поддается манипулированию или, если выражаться нейтрально, управлению. Опять-таки, в силу естественной структуры эмоциональной жизни, установка на позитивную мотивацию формируется с большим трудом, чем негативная. Именно поэтому у страха, как одного из «основных инстинктов», не оказалось «конкурентов» в том, чтобы стать объектом политтехнологического управления. Как показывают многие исследователи, целенаправленное формирование страхов в управлении людьми стало общей практикой в современных государствах [9, 14]. Необходимость различения реальных и воображаемых опасностей для современного общества риска [3], неоднозначность самой тенденции управления страхами, возможность политических злоупотреблений, использование эмоциональной сферы как ресурса биополитики [10, 11] – эти проблемы требуют сегодня специального философского метаполитического осмысления [1].

Мотив страха в современной геополитике

Существуют веские основания для того, чтобы рассматривать эмоцию страха в качестве важного фактора международной политики. Француз-

ский философ Д. Муази [15] выделяет три базовые эмоции, соотношение которых определяет облик современного мира. Это страх, надежда и унижение. Автор решается на радикальные обобщения, утверждая, что одна из этих эмоций может стать движущей силой целых стран и цивилизаций. Надежда движет народами Азии, унижение характеризует протестное движения ближневосточных стран, страх определяет сегодня позицию всей западной цивилизации (Европа и Северная Америка).

Описывая эмоцию страха, Муази отметит, что сам по себе страх нельзя определить как нечто порочное. Страх – это эмоциональный ответ восприятию, реальному или преувеличенному, приближающейся опасности. Страх запускает защитный рефлекс, который выявляет и отражает идентичность и слабость человека, культуры или цивилизации на данный момент. «Скажи мне, чего ты боишься и что делаешь, чтобы преодолеть свой страх, и я скажу, кто ты» [15, с. 92]. Страх – это не только эмоциональный индикатор, но и многомерная реальность: необходимая защита от опасности самоуверенности, сила для выживания в опасном по своей природе мире, чувство созидательной тревоги и естественный защитный инстинкт. В некоторых случаях он даже может выступать стимулом для важнейших начинаний, как это было после Первой мировой войны, когда опасения начала новой войны между Францией и Германией способствовали началу европейской интеграции.

Однако, если страх становится чрезмерным и всеобщим, возникают серьезные проблемы. Зацикленность на страхе, будь он реальным или умышленно навязываемым, является серьезным препятствием к взаимодействию с остальным

миром. «Страх вводит в заблуждение, иногда достаточно серьезное. Он повышает общий уровень тревоги, которая в лучшем случае уводит в сторону, а в худшем – безусловно, контрпродуктивна» [16, с. 201].

По мнению, Д. Муази, страх присущ западному обществу. Причем, исследователь настаивает на различии европейского и американского страхов. Если Европа боится экономических трудностей, подъема азиатских экономик, чрезмерного регулирования жизни и ближайших соседей (арабский мир и Россию), то страх США имеет основанием ощущение несоответствия идеальных представлений реальности. Американцы воспринимают себя как незавершенный идеальный проект и не могут понять, почему этот проект не поддерживает остальной мир. Американский страх возник не после 11 сентября. Тогда он лишь стал фактором политической жизни и эффективной стратегией управления, сделав ставку на риторику терроризма и исламофобии и связанной с ними национальной безопасности. Безусловно, такое положение вещей внутри государства не может не сказаться на проводимой им политике. Страх фундаментализма делает Америку оазисом фундаментализма, страх потерять естественное глобальное лидерство заставляет стремиться к мировому господству.

Более того, существует связь между страхом и ослаблением демократических идеалов. Культура страха уменьшает качественное различие, которое существует между демократическими и недемократическими режимами. Так, страх подталкивает страны к нарушению их собственных моральных принципов, основанных на строгом уважении буквы закона. Когда демократии проповедают ценности, которыми больше не практикуют, они теряют позиции морального превосходства, а вместе с ними и силу притяжения.

Муази отмечает, что страх не является чем-то новым в настоящее время. Циклы политической и культурной «боязливости» в западной истории были всегда: это и время Великой депрессии в США в 30-е годы, и период, предшествующий Второй мировой войне, когда страх перед началом очередной войны стал причиной пассивного отношения к зарождающемуся фа-

шизму, и американский маккартизм или «охота на ведьм» в 50-е годы – опасная смесь паранойи, подозрений и запретов [15, с. 94].

Говоря о современном этапе развития западной цивилизации, можно утверждать, что ее захлестнула новая волна страхов. В первую очередь, это страх перед «другими», которые пришли, чтобы захватить родину европейцев, угрожая их идентичности и отнимая рабочие места. Это также страх перед терроризмом и распространением оружия массового поражения. Это страхи перед экономическим кризисом, стихийными бедствиями, как результатом глобального потепления. В общем, это страх перед неопределенным и пугающим будущим, которым невозможно управлять.

Если обратиться к современным российским реалиям, можно отметить, что на сегодняшний день страх является определяющей эмоцией и для нашей страны. Страх упустить возможность играть важную роль на мировой арене заставляет российское правительство совершать поступки, негативно сказывающиеся на самочувствии общества. В свою очередь, общество, испытывающее различные социальные страхи, в том числе страхи перед войной и нестабильностью, консолидируется и легитимирует действия властей.

Таким образом, страх может иметь как внешне так и внутренне обусловленный источник происхождения. Навязываемый извне, он становится фактором, определяющим человеческое поведение. Объективно же возникающий внутри, он трансформирует окружающую реальность.

Стимуляция страхов в риторике безопасности

Концепцию безопасности следует признать основной внутренней и внешней политики многих государств. Для этого есть оправдания. Государство нагружено такими обязательствами, выполнение которых связано со многими опасностями (рисками). Но самих опасностей и рисков следует бояться в меру. Преувеличение опасностей (страхов) и для обычного человека, и для государства может обернуться «ступором» действий. Государству преувеличение опасно-

сти грозит тем, что оно начинает затрачивать на непродуктивный контроль и перестраховку (как бы чего не вышло!) огромные человеческие, материальные и финансовые ресурсы.

В этой связи страх приобретает новое звучание в контексте риторики безопасности. Риторика безопасности часто не отражает реальность, а формирует её. Ведь состояние безопасности является оценочным, оно не существует независимо от человеческого восприятия. Такого рода риторика относится к области технологии управления, за которой стоит технократическое понимание политики как дела профессионалов и чрезмерная фокусировка на экспертах, производящих и навязывающих технократическую интерпретацию безопасности в качестве единственно легитимной. Безопасность – это управление чувством небезопасности, а значит – управление страхом [6, с. 152].

Спектр страхов, фигурирующих в дискурсе государственной или национальной безопасности, чрезвычайно широк: от страха перед терроризмом до токсичных веществ в китайских игрушках. Как отмечает Ж.Рансьер, государственный аппарат (*polícia*) сначала формирует опасности, а затем выступает в роли силы, способной защитить граждан от различных угроз [8]. Потрясенные страхом люди легко поддаются внушению и соглашаются на любые правительственные меры по урегулированию сложившегося положения, вплоть до ограничения своих прав и свобод.

За последние десять лет количество видов деятельности, направленных на обеспечение безопасности увеличилось многократно: техническая, продовольственная, экологическая, финансовая и т.д. Хотя значительная часть таких опасностей действительно имеет место, степень угрозы от них значительно ниже, чем предполагают предпринимаемые для их ликвидации дорогостоящие меры. Узкоспециализированная природа различных видов безопасности стала очень удобным дискуссионным инструментом, позволяющим уклоняться от общественного контроля, так как оппоненты не являются экспертами в данной сфере и не имеют специального образования, чтобы судить о степени угрозы [5].

Управление страхом в политике национальной безопасности

В исследованиях, посвященных безопасности как технологии управления, можно встретить понятие «национальная безопасность». Национальная безопасность декларируется как комплекс мер, призванных обеспечить целостность государства и защитить его граждан от внешней угрозы. Однако, на практике она трансформируется в поиск и раздувание этих угроз и общественных страхов. С. Бак-Морс пишет, что для легитимации сложившихся отношений господства государству необходим враг, борьба с которым оправдывает введение «чрезвычайного положения», т.е. сворачивание прав и свобод граждан. Чрезвычайное положение легитимирует аресты граждан без суда и следствия, убийства и военные операции без контроля и ответственности, секретность, цензуру, монополию на сбор и распространение информации. Государство пресекает гражданскую активность и требует абсолютную лояльность к своей политике. Критика политики государства отождествляется с предательством национальных интересов. Существует только один контекст, в котором можно понимать происходящее – глобальная война с терроризмом [2, с. 36-38].

«Страх перед терроризмом является большей проблемой, чем сам терроризм», – утверждает Б. Фридман [14, с. 78]. По мнению автора, терроризм – это меньшая угроза, чем мы привыкли о ней слышать. Поскольку государство устанавливает цензуру и монополизирует сбор и распространение информации, то до граждан доходит только её отфильтрованная и нагруженная определенными смыслами часть. В результате граждане выбирают выгодную отправителю сообщения стратегию поведения и не пытаются получить информацию из других источников, руководствуясь рациональными принципами. В случае с раздуванием страхов террористической угрозы люди ждут от властей больших мер безопасности, чем того требует здравый смысл. Их страхи легитимируют повышение расходов на оборону и военно-промышленный комплекс. В этом же контексте возникают и разнообразные государственные организации по обеспе-

чению национальной безопасности. Как отмечают исследователи, после теракта 11 сентября, принятого за рубеж «новой эры жесточайшего терроризма», в США был создан Департамент национальной безопасности с множеством управлений, зачастую дублировавших уже имеющиеся, целью которого стала борьба с террористической угрозой. Однако, продолжения «новой эры» не последовало: страшный теракт оказался скорее исключением. Но вопреки здравому смыслу Департамент национальной безопасности не только не ликвидировали за ненадобностью, но и увеличили его бюджет. Теперь для того, чтобы «сохранить себе жизнь» и легитимировать свое существование, организация сама начала раздувать страхи перед терроризмом [14, с. 93]. Уильям Кларк, пишущий об истории оценки степени риска, заметил, что средневековые европейцы не боялись ведьм до тех пор, пока не создали инквизицию для их выявления [13]. Инквизиция обеспечила работой своих членов, а они оправдывали ее продвижением угрозы ведьм. Институализация охоты повышает страх перед опасностью, на которую охотятся.

Стоит отметить, что рациональное зерно в политике национальной безопасности, безусловно, имеется. Современные государства нередко оказываются перед лицом значительных угроз и вынуждены выстраивать защитные барьеры и механизмы, позволяющие минимизировать риски и способствовать сохранению существующего порядка. Однако, удержаться от искушения и отказаться от спекуляций на теме национальной безопасности удастся далеко не всегда. Забота о национальной безопасности и ее обеспечение обладают на сегодня наибольшей легитимностью и являются сильнейшим аргументом в любых отношениях субъектов права и политики, что с неизбежностью влечет за собой злоупотребление этими возможностями.

Политика страха и человеческая безопасность

Риторика национальной безопасности – лишь частный случай огромного комплекса управления общественными страхами – политики страха. Существует даже мнение о том, что политика

страха не является простой угрозой карательными санкциями или изобретением несуществующих врагов с целью сохранения власти. Страх здесь – продукт заговора, который предполагает интенсивные усилия участников, сотрудничество жертв и содействие со стороны наблюдателей, которые не предпринимают ничего, чтобы противостоять репрессивному давлению страха [9, с. 196].

Политика страха – это совокупность манипулятивных технологий, основным инструментом которых выступает страх. В современном обществе управление страхами приобретает сверхмощный характер. Главную роль в этом процессе играют СМИ, ежедневно муссируя темы ужасных катастроф, террористических актов и чрезвычайных происшествий, порождая у населения иллюзорные страхи. Иллюзорные страхи являются очень действенным средством, с помощью которого можно отключить здравый смысл и обойти защитные психологические механизмы. Они не сообщают о реальной опасности, а создаются в воображении, в мире символов и в виртуальной реальности. Развитие таких страхов не только не целесообразно, но даже губительно. Иллюзорные страхи влияют на человеческую психику, отключая защитные психологические механизмы. Такая способность рождать в воображении гиперболический образ страха явилась основой для создания целой стратегии манипуляции сознанием [4].

В последнее время наблюдается тенденция к смещению риторики безопасности из области национальной в область человеческой безопасности (human security). По мнению С.Е. Ячина, такое смещение может способствовать минимизации негативного спекулятивного момента на теме национальной безопасности [17].

Действительно, сегодня проблематика человеческой безопасности приобретает все большую значимость, оттесняя национальную безопасность на задний план. Человек во многом рассматривается как независимая переменная, нуждающаяся в независимом и объективном анализе. Власть отдельного государства над человеком уменьшается, а роль рекомендаций ученых-экспертов о том, как распоряжаться человеческим капиталом, возрастает. Странники

идеи человеческой безопасности выдвигают ее в качестве вызова традиционному понятию национальной безопасности, настаивая на том, что надлежащим референтом безопасности должно быть лицо, а не государство. Но, хотя концепция человеческой безопасности и создавалась как альтернатива национальной, которая смогла бы преодолеть ее отрицательные моменты, на сегодняшний день она пребывает в основном в сфере политического дискурса и его риторики [12, с. 49-51].

Для выстраивания политики страха в риторике человеческой безопасности власть использует всевозможные социальные страхи, такие как страх ответственности, страх негативных оценок, страх перед «чужими». Специфика такого рода страхов заключается в том, что они носят массовый характер, а их объекты не могут причинить человеку реальный вред. Однако, испытав социальный страх лишь однажды, человек начинает ассоциировать его с определенными социальными ситуациями. Страх создает основу для неудач, которые, в свою очередь, укрепляют его. В результате страх и продиктованное им поведение запоминаются, поддерживаются и воспроизводятся, охватывая все большее количество социальных случаев. Эта специфика социальных страхов хорошо известна правящей элите, которая не упускает возможности использовать её в собственных интересах, создавая свои комплексные стратегии манипуляции сознанием.

Различные социальные страхи выступают своего рода ограничителями свободы выбора

человека. Образно эту ситуацию можно проиллюстрировать с помощью красных флажков, которыми обставлены края дороги. Флажки служат сигналами об опасности за пределами дороги, увидев которые человек не свернет с предписанного ему пути. Дорога – это заданный властью вектор развития общества. Флажки – это программа, внушаемая человеку с целью сохранения направления данного вектора.

Заключение

Вероятно, социальные страхи сопровождали всю человеческую историю. Немецкие психологи даже относят их наряду с социальной агрессией к числу антропологических констант: предметы и источники страха исторически изменяются, но их удельный вес в эмоциональной палитре общественных настроений остается более или менее неизменным [7, с. 56]. В наше время социальные страхи повышают спрос на производство разного рода безопасностей, среди которых особое место занимает национальная безопасность. Власть нуждается в легитимации значимых политических решений посредством волеизъявлений граждан. В свою очередь, граждане готовы жертвовать частью своих прав и свобод в обмен на обеспечение национальной безопасности. Это позволяет нам предположить, что страх будет и дальше использоваться в качестве эффективного инструмента управления в современных реалиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бадью А. Метаполитика: Можно ли помыслить политику. Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.
2. Бак-Морс С. Глобальная публичная сфера? // Синий диван. 2002. №1. С.29-43.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2001. 952 с.
5. Корочкин В. Вредный надзор // Ведомости. 2014. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/36788521/vrednyj-nadzor?full#cut> (дата обращения: 24.01.15).
6. Малахов В.С. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления // Отечественные записки. 2013. №2 (53). С.150-163.
7. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
8. Рансьер Ж. Олигархи продают чувство опасности // Русский журнал. 2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Oligarhi-prodayut-chuvstvo-opasnosti> (дата обращения: 09.02.15).
9. Робин К. Страх. История политической идеи. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.

10. Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
11. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
12. Ячин С.Е., Ажимов Ф.Е., Колесниченко К.Ю. Роль международных экспертных сообществ в формировании проблематики человеческой безопасности в условиях Восточной Азии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №3 (23). С. 48-53.
13. Clark W. Witches, Floods, and Wonder Drugs: Historical Perspectives on Risk Management // Societal Risk Assessment: How Safe is Safe Enough? New York: Plenum, 1980. P.287-313.
14. Friedman B. Managing Fear: The Politics of Homeland Security // Political Science Quarterly. 2011. V.126. I.1. P.77-106.
15. Moisi D. The Geopolitics of Emotion. How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Are Reshaping the World. New York: Anchor Books, 2010. 176 p.
16. Stearns P. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. New York: Routledge, 2006. 256 p.
17. Yachin S. Human security as a problematic area of contact between politics and science: the peculiarities of East Asia // International Journal of Social Science and Humanity (IJSSH). 2015. Vol. 5. P. 54-57.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bad'yu A. Metapolitika: Mozhno li pomyslit' politiku. Kratkii traktat po metapolitike. M.: Logos, 2005. 240 s.
2. Bak-Mors S. Global'naya publichnaya sfera? // Sinii divan. 2002. №1. S.29-43.
3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s.
4. Kara-Murza, S. Manipulyatsiya soznaniem. M.: Algoritm, 2001. 952 s.
5. Korochkin V. Vrednyi nadzor // Vedomosti. 2014. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/36788521/vrednyj-nadzor?full#cut> (data obrashcheniya: 24.01.15).
6. Malakhov V.S. Tekhnika bezopasnosti: politika strakha kak instrument upravleniya // Otechestvennye zapiski. 2013. №2 (53). S.150-163.
7. Nazaretyan A.P. Agressivnaya tolpa, massovaya panika, slukhi. Lektsii po sotsial'noi i politicheskoi psikhologii. SPb.: Piter, 2004. 192 s.
8. Rans'er Zh. Oligarkhi prodavut chuvstvo opasnosti // Russkii zhurnal. 2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Oligarhi-prodavut-chuvstvo-opasnosti> (data obrashcheniya: 09.02.15).
9. Robin K. Strakh. Istoriya politicheskoi idei. M.: Progress-Traditsiya, 2007. 368 s.
10. Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. SPb.: Nauka, 2010. 448 s.
11. Khardt M., Negri A. Imperiya. M.: Praksis, 2004. 440 s.
12. Yachin S.E., Azhimov F.E., Kolesnichenko K.Yu. Rol' mezhdunarodnykh ekspertnykh soobshchestv v formirovanii problematiki chelovecheskoi bezopasnosti v usloviyakh Vostochnoi Azii // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013. №3 (23). S. 48-53.
13. Clark W. Witches, Floods, and Wonder Drugs: Historical Perspectives on Risk Management // Societal Risk Assessment: How Safe is Safe Enough? New York: Plenum, 1980. P.287-313.
14. Friedman B. Managing Fear: The Politics of Homeland Security // Political Science Quarterly. 2011. V.126. I.1. P.77-106.
15. Moisi D. The Geopolitics of Emotion. How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Are Reshaping the World. New York: Anchor Books, 2010. 176 p.
16. Stearns P. American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety. New York: Routledge, 2006. 256 p.
17. Yachin S. Human security as a problematic area of contact between politics and science: the peculiarities of East Asia // International Journal of Social Science and Humanity (IJSSH). 2015. Vol. 5. P. 54-57.